

Сергей Дышев

Убийца первого класса

Жанр
детектив

Школа № 2780

Место встречи

Гостиница «Лунный свет»
Морг

Подозреваемые

Проститутка Карина
Сутенер Мертвецов
Патологоанатом Малосольный
Наемный убийца «Барбос»

**Главный
подозреваемый**
Лупандер

Сергей Дышев

Убийца первого кла\$\$\$а

«ЭКСМО»

2009

Дышев С. М.

Убийца первого класса / С. М. Дышев — «Эксмо», 2009

Клиент пригласил в гостиничный номер проститутку, принял душ, хлебнул минералки и умер. По документам погибший значился как коммерсант Борис Зайцев и, по данным экспертизы, скончался от цианистого калия. Однако жена Зайцева Алла Свингер мужа в морге не опознала. Кто же отравлен и где настоящий Зайцев? Мотивы на редкость запутанного преступления уходят в прошлое, в школьные годы новоявленной вдовы, а дьявольски сложную комбинацию убийства осуществил ее бывший одноклассник, всю жизнь безнадежно любивший Аллу...

© Дышев С. М., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

ЛУННЫЙ ПЕРЕПОЛОХ	5
РАСТЛЕНИЕ СОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	8
ПРО ВАСЮ БАЗДЫРЕВА ИЗ УБОЙНОГО ОТДЕЛА	11
ЦИАНИСТЫЙ КАЛИЙ СО ВКУСОМ ВИАГРЫ	16
ТЫ БУДЕШЬ МЕРТВЕЕ ТРУПА!	21
«ПОРЯДОЧНОГО» ПОКА НЕ КРЕМИРОВАТЬ	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сергей Дышев Убийца первого кла\$а

Природой брак не предусмотрен.
Наполеон

Жена, не ведущая мужа вперед, непременно толкает его назад.
Джон Стюарт Милль

ЛУННЫЙ ПЕРЕПОЛОХ

В любви бесплатная только луна.
«Пшечруй»

В «Лунном свете» переполох сменился могильной тишиной. Беззвучно скользили по длинным ковровым дорожкам горничные; тучная женщина-администратор, застывшая в зазеркалье рецепции, совершила действие просто недопустимое: закурила папиросу.

Беззвучно крутился проблесковый маячок на крыше милицейской «Волги», стоявшей у парадного входа гостиницы, и синхронно с синими и красными лучами мигала неоновая вывеска казино.

Беззвучно в эту минуту в номере 415 плакала и проститутка Карина по кличке Шалая. Хорошо, по совету девочек, она стала пользоваться тушью, не растекавшейся от слез. Ей часто приходилось беспричинно плакать, хотя поводы были яснее ясного. Свинячая работа, хряки мужчины, жадина и жлоб Эдик-педик-сутенер. Сразу исчез бесследно, хотя обещал разругливать все проблемы.

Рядом стоял и ухмылялся молоденький сержант. Точнее, он просто радовался и наслаждался. Потому что Карина, в прошлой жизни – Ирина, влипла, хуже не пожелаешь. Следователь прокуратуры, мужик лет тридцати пяти, по фамилии Куроедов, только что назвал ее страшным словом «клофелинщица». Жертва отравления – толстопузый клиент – лежал на кровати с выпученными глазами и прикушенным языком. Как будто он хотел чем-то сильно удивить, но неожиданно передумал.

Карина никак не могла вспомнить, как он назвал себя при знакомстве. Она тут же забывала имена и путала их к неудовольствию «гостей». Одно слово – путана.

Как-то узнав о ее проблемах, подружка по работе посоветовала называть мужиков каким-нибудь животным. Ну, не козлом, конечно, или пингвином, а что-нибудь такое летающее или скачущее. Карина подумала и остановилась на «зайчике».

– Так как его звать? – повторил вопрос Куроедов.

У этого толстяка имя было какое-то свинячье, которое в селах нередко давали кабанам. Вспомнила: Борька.

– Значит, Борис? – спросил следователь.

– Кажется, да.

– А фамилия?

– Кто ж нам фамилии говорит?! – округлила глаза Карина.

И она уже в который раз повторила о том, как мужчина вышел из душа, лег на койку, потом начал корчиться, биться в судорогах, глаза выпучил...

На тумбочке лежала пепельница с недокуренной тоненькой сигареткой со следами помады. Рядом – небольшая коробочка с надписью «Виагра». В ней еще осталась таблетка голубого цвета странной ромбовидной формы.

– Отправь на экспертизу, – сказал следователь своему помощнику, молодому человеку в металлических очках, и повернулся к двум безмолвно стоящим горничным. – Обращаю внимание понятых: ромбовидная таблетка в бело-синей пачке с надписью «Виагра». Находилась в ящике тумбочки.

Еще один мужчина, лет под сорок, вида совершенно неотесанного, из уголовного розыска, как он представился, молча сидел в кресле, пощипывал густые усы и листал паспорт Карины. В нем значилось, что Галушка Ирина Тарасовна 1986 года рождения, прописана в городе Кировограде Республики Украина. Не замужняя.

Ознакомившись с документом, милиционер с откровенным интересом стал разглядывать Карину. И она по привычке начала «нравиться»: закинув ножку на ножку, обнажила тугую ляжку и томно глянула на представителя правоохранительного органа. Вдруг нормальный человек, расспросит да отпустит, втихаря попросив телефончик.

Но нормальный мужик неожиданно переменялся в лице и зарычал:

– Говори, кто тебе дал таблетки?!

– Я тут ни при чем, я по вызову, это, блин, его таблетки были! Я их и не видела, – заныла Карина.

– Почему скрылась с места преступления? Только не говори мне, что стало страшно. Потому что я, Василий Максимович Баздырев, являясь в данный момент заместителем начальника убойного отдела, наперед знаю, что убийцы говорят в таких случаях. И хоть ты проститутка, но я упеку тебя на «червонец», то есть на десять лет, и не за растление совершеннолетних, а за убийство по 105-й статье Уголовного кодекса Российской Федерации.

Карина не ответила, у нее все поплыло перед глазами, ноги подкосились, и она рухнула на затоптанный ковер. Дала о себе знать трудовая ночь: Борис был седьмым за эту смену...

* * *

Все в эту смену было как обычно: Карина в узенькой мини-юбке, в сапогах на высоченных каблуках и в «боевой» раскраске в сопровождении «мамки» Вальки привычно шагала по длинной ковровой дорожке гостиничного коридора к очередному клиенту. Не доходя до номера, «мамка» остановилась: проследить, что клиент принял заказ (посмотрела на часы, отметив время: 23.55). Карина деловито постучала в 415-й номер. Открыл грузный мужчина, в халате, на вид лет 45.

Карина произнесла стандартную фразу:

– Добрый вечер! Хотите отдохнуть?

Мужчина слегка растерялся, будто и не ждал:

– А? Ах да! Заходите...

Карина профессиональным взглядом осмотрела комнату, нет ли посторонних. Томно спросила:

– Как тебя звать?

– Боря, – ответил мужчина.

– Очень приятно. А меня – Карина.

– Очень приятно. Ну чего, пошли помоемся в душе?

– Я только что мылась, Зайчик.

– А с кем?

– Я всегда сама моюсь, – ласково ответила она. – Если часто мыться, кожа не будет бархатной. Зайчик, тебе нравится, когда у девушек бархатная кожа?

– Ага, нравится! – согласился Боря. – Все здесь нравится. Моя жизнь, Карина, состоит из двух частей. Сейчас – часть вторая. Ну, ладно, тогда я сам пошел.

Карина села в кресло, закинула ногу на ногу, закурила, равнодушно уставилась в телевизор. Пощелкала пультом, нашла музыкальный канал. Потом открыла сумочку, вытащила и снова положила презервативы, достала коробочку с таблетками, открыла ее, посмотрела, задумалась, положила обратно.

Из ванной доносились хлюпающие звуки и стоны. Мужик явно получал большое удовольствие от душа.

Наплескавшись, клиент в одних трусах вышел из душа. Присел на кровать, предложил ей вина, сам же потянулся к минералке... Карина чуть пригубила, встала, начала неторопливо раздеваться. Мужчина, отхлебнув из горлышка, с видимым удовольствием (будто никогда не спал на чистых простынях) растянулся на постели. И тут страшные корчи исказили его лицо. После недолгой агонии, пустив кровавую пенку, «зайчик» застыл.

Карина еле подавила крик, в эту минуту она поняла одно: надо поскорей уносить свои длинные ноги. Она оделась мгновенно, как солдат, прошедший курс молодого бойца: за 45 секунд. И побежала вниз по пожарной лестнице, в ночной город.

РАСТЛЕНИЕ СОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

*Хорошим девушкам рады на небесах, плохим девушкам – где угодно.
Лозунг Всемирного конгресса проституток*

...Очнулась Карина, почувствовав холодные капли дождя на лице. Она лежала на привычной гостиничной кровати, рядом спал толстяк Боря. «Причудилось же такое!» – подумала она с облегчением. Но, приподнявшись, застонала: над ней склонился следователь с бутылкой минералки, и брызгал водой на лицо. Рядом стояли понятые и выжидающе смотрели на нее.

На улице уже светало. Клиент остывал.

– В состоянии отвечать на наши вопросы? – поставив бутылку на стол, поинтересовался следователь.

Карина подумала, что если она откажется, то этот кошмар никогда не закончится. И согласилась.

Она не знала, что сутенер Эдик на самом деле никуда не исчез, а с помощью гостиничной охраны в течение считанных минут был доставлен на допрос в один из гостиничных номеров на том же, четвертом, этаже.

Мрачный опер лет двадцати пяти, в темном костюме и при галстукке, сначала молча и церемонно выложил из дорожной сумки на стол пару дубинок, наручники, противогазную маску, боксерские перчатки, катушку скотча, пачку с иголками, клещи, моток капроновой веревки, силикатный клей и в завершение – портативные тиски. Эдик сразу стал серым, как третьесортная мука, и пообещал рассказать и сделать все, лишь бы ему не делали больно. И заплакал.

Так же молча и не торопясь, опер сложил обратно в сумку весь этот разнообразный продукт человеческой цивилизации и приготовился слушать.

Успокоившись и высморкавшись, Эдик официально заверил, что его девочки никогда в жизни не использовали и не используют клофелин. В гостинице это просто глупо. Они под жестким, неусыпным контролем. Каждая путана прошла спецпроверку.

– Вы педераст? – строго спросил оперативник, раздавив окурок в пепельнице.

– Ну, что вы? – возмутился Эдик.

– Тогда почему вас «педиком» называют?

– Потому что в рифму, наверное, – покраснев, ответил Эдик.

– Рассказывай по порядку и без утайки, гражданин Мертвецов Эдуард Казбекович, – предложил Ребров. – А то дам в писю. Ботинком, конечно.

* * *

В тот злополучный час Эдик, как всегда в такое время, сидел в баре, сосал через соломинку коктейль, жеманно пускал к потолку колечки дыма дамской сигаретки. В два часа ночи ему позвонила «мамка» Валя и дурным голосом сообщила, что клиент из 415-го номера помер. Он не сразу и «въехал», что за «номер-номер».

Когда оплаченный секс-час заканчивался, Валька всегда предварительно звонила в номер клиента. Таков был порядок. Иногда трубку не брали, но в любом случае, по заведенным правилам, она шла забирать девочку. Клиенты всякие бывают: маньяки, извращенцы, садисты. Если мужчина оставался неудовлетворенным, она предлагала взять барышню еще на час или до утра, по соответствующей таксе.

Дверь 415-го была приоткрыта. Валька заглянула, спросила: «Можно? Карина, ты как?» Никто не ответил. «Мамка» осторожно прошла в номер, и... лишь опыт бывшей санитарки

помог ей сохранить выдержку. На постели едва прикрытый простыней, лежал с багровым лицом и выпученными глазами грузный мужчина. Карина, по прозвищу Шалая, видно, сбежала. Выскочив в коридор, «мамка» тут же набрала по мобильнику номер Эдика.

– Ну, я и спросил ее первое, что в голову пришло: затрахала, что ли, мужика? – продолжил рассказ Эдик. – Ну, еще не понял, в натуре, что за дела. Она говорит: «Не знаю, он как задушенный! Может, эпилептик?» – Я, говорю ей, какое твое дело, санитарка хренова, беги к дежурной по этажу, пусть «Скорую» вызывает! Ну, и еще, чтоб эту идиотку Карину нашла, если не хочет за нее поиметь по полной программе.

* * *

От дежурной по этажу дурная весть по команде поступила администратору гостиницы – женщине за стеклянной перегородкой. И уже она набрала «02» и «03», прекрасно понимая, что с приездом милиции появится много вопросов, особенно по поводу секс-досуга...

* * *

Карина добрела не дальше парка, раскинувшегося неподалеку от гостиницы. Она опустилась на скамейку и стала проклинать свою судьбу. Залетела... Конечно, очень удобно свалить неожиданную смерть этого «борова» на беззащитную гражданку Украины. Кто поверит проститутке?

Карина вздрогнула от неожиданного телефонного звонка. Это была «мамка» Валя. Она с ходу затараторила: «Карина, ты где? Немедленно беги в гостиницу, если не хочешь, чтобы на тебя повесили труп».

Карина вздохнула и поплелась обратно, обреченно понимая, что никуда ей не деться.

В холле гостиницы ее ждали два сотрудника, показали удостоверения угрозыска и, посоветовав не делать глупостей, под ручки повели в проклятый 415-й. Начался долгий безумный кошмар.

* * *

– Ну, что этот Эдик-педик тебе рассказал? – спросил Баздырев у зашедшего в 415-й номер оперативника Сергея Реброва.

– Ничего интересного, – зевнув и закулив очередную сигарету, ответил Ребров. – Сказал, что насчет мертвого мужика ему позвонила Валя, он ей: «Ты мне типа, чего звонишь, объявляй тревогу, дежурной и так далее. Сам ни хрена ничего не знает, девки, говорит, проверенные. Работой дорожат... А личность трупа потерпевшего установили?»

Баздырев достал из папки *изъятый* паспорт, открыл и зачитал:

– Зайцев Борис Петрович. Родился в городе Москве 14.05.1965. Прописан: Хорошевское шоссе, дом 52. Семейное положение: брак зарегистрирован с гражданкой Свингер Аллой Сергеевной 18 марта 1990 года.

– Будет сюрприз для гражданки Свингер, – заметил Ребров.

– Кто знает? Может, она и подсунула эти таблетки, – отозвался Баздырев. – Давай с этой Пельмешкой, или как ее, Галушкой, разберемся, а потом поедем к Алле Сергеевне. Зови ее.

Карина покорно стояла в коридоре.

Ребров открыл дверь, мотнул головой:

– Галушка, заходи!

– Так как фамилия потерпевшего? – грозно спросил Баздырев.

– Не знаю!

– А как ты обращалась к нему?

Карина помялась и ответила:

– Зайчик...

– Во, – обрадовался Баздырев. – Товарищ следователь, прошу зафиксировать в протоколе. Потерпевшего Зайцева гражданка Галушка называла уменьшительно-ласкательным именем Зайчик. Это дает основания предполагать, что с убиенным лицом мужского пола была ранее знакома.

От такого железного вывода у Карины началась истерика.

– Да я ведь всех этих «козлов» «зайчиками» называю, чтоб не перепутать! Не виноватая я.

– Он сам пришел! – вставил Ребров.

– Ладно, пиши подписку о невыезде, – резко оборвал Куроедов на правах старшего. – И в протоколе на каждой страничке распишешься... И можешь топтать... Позор! Не стыдно? Небось комсомолкой была?

– Не была я комсомолкой! – заплакала Карина.

* * *

Во дворе санитары, лениво переругиваясь, грузили мертвеца в автомобиль.

Ребров, посмотрев в окно, спросил:

– С этим, сутенером Эдиком, будешь говорить?

– Не буду, я этих уродов, которые на девках кормятся, на дух не перевариваю. Могу не сдержаться и дать в бубен... – отозвался Баздырев. – ПУК, кстати, применяли?

– Применяли. Чуть в штаны не навалил. Мы его творчески дополнили боксерскими перчатками и силикатным клеем.

– Гениальное нельзя дополнить, его можно только испортить, – недовольным тоном заметил Баздырев. – Диалектику не учил. Большое количество дает дурное качество. А клей зачем? А... вспомнил, для цементирования заднего прохода. Из методов ГУЛАГовских сатрапов образца 1937 года.

– Что это за «пук»? – подняв голову от протокола, поинтересовался следователь Куроедов.

Ребров пояснил:

– ПУК – это изобретение Василия Максимовича: «переносной устрашающий комплекс». Психологическое оружие: тиски, иголки, противогаз и прочее.

– Доиграетесь, вы, ребята, с такими методами, – проворчал Иван Куроедов. – Прознают адвокаты – и будет вам «пук» по всей программе.

– А мы ж только показываем. Молча и бесстрастно, – пояснил Ребров. – Демонстрируем различные предметы общечеловеческого и милицейского обихода. Типа маленькой выставки-презентации. И даже не комментируем, зачем мы эти нужные и полезные вещи выкладываем из сумки. Зато какое у клиента разыгрывается воображение!

– Ладно, хватит базар разводить, – перебил следователь. – Жене сообщили? Надо вызывать ее на опознание. Забирайте ее – и в морг, все, как положено. А потом, по обстановке, в каком она состоянии будет, и поспрашиваем эту Аллу Сергеевну. «Виагру» мигом на экспертизу... Личность покойного выяснили?

– Да. Президент строительной компании «Открытые окна». Жена вроде там же работает.

ПРО ВАСЮ БАЗДЫРЕВА ИЗ УБОЙНОГО ОТДЕЛА

*И резиновой палкой можно указывать путь.
Станислав Ежи Лец*

Следователь, проработавший лет десять и более, как правило, становится профессиональным занудой. Иван Куроедов исключением не был. Баздырев знал его еще по девяностым годам. Вместе распутывали серийные убийства, которых по столице всегда хватало. Работали бок о бок. Правда, если Иван медленно, ступенька по ступеньке шел по служебной лестнице в московской прокуратуре, то у Васи был свой стиль – мотоциклиста-экстремала, покорявшему эту «лестницу» на сумасшедшей скорости как вверх, так и вниз.

Время от времени судьба разлучала Баздырева и Куроедова. За творческие порывы и новшества «в особо циничной форме» – Васю с треском переводили из главка на «землю», в ОВД какого-нибудь микрорайона.

Вася же, по обыкновению, не показываясь на новой службе, дня три пил, потом приходил, принимал стол, стул и «висяки» – незавершенные уголовные дела.

Один вид опера Баздырева, больше похожего на медведя, нежели на человека, мог внушить трепет. При знакомстве с арестантом Максимыч всегда импровизировал, в зависимости от фигуранта. Мог доверительно сказать: «Я – парень простой, из деревни, звать меня Вася, без высшего образования, мозгов нет. Но вот кулаки у меня, как два кочана. И вот я, согласно закону физики о сближении однородных тел, как дам сейчас по твоему „кочану“. И мне ничего не будет, у меня две контузии: одна, когда я орехи гранатой колот, а вторая, когда выпал с пятого этажа и ударился головой. Видишь, как она у меня распухла. (И действительно, голова у Василия была, как медный казан.) И вот, голуба, тебе решать, или ты мне все сразу расскажешь, или же мне, рабоче-крестьянскому сыну со справкой из психиатрической больницы, все равно ничего не будет.

И арестант, глядя на каменную физиономию Баздырева, в которой не находил ни малейшего сочувствия, торопливо просил ручку и бумагу. И излагал «чистуху» – чистосердечное признание.

Все беды – от адвокатов. Васины импровизации о собственном душевном нездоровье и «неадекватности» однажды стали известны защитникам арестантов. И Баздырева направили в психиатрический диспансер на обследование. Несмотря на приемлемые результаты, его на всякий случай опять убрали из главка в территориальный отдел милиции.

И по итогам года в этом ОВД показатели раскрываемости убийств и прочих тяжких преступлений ощутимо повышались; бандиты, убийцы, маньяки при молчаливом сочувствии Баздырева писали покаянные, чисто, понимаешь, сердечные признания. И Максимыча, как его звали для краткости, вновь забирали или в главк, или в УВД административного округа. Потому что Вася Баздырев признан был одним из лучших «кольщиков» Москвы: «раскалывал» жуликов «до пупа», а то и ниже, не применяя, между прочим, никакого физического насилия.

Уже находясь в звании майора милиции, Максимыч по просьбе руководства и в соответствии с демократическими веяниями разработал и ввел в практику новый, прогрессивный метод работы с подследственными. Назвал его – «Детерминированный экспрессивно-психологический допрос». Где он выкопал такое мудреное название, Максимыч, как ни пытались его разговорить коллеги, молчал, храня на лице привычное чугунное спокойствие.

О новом методе стало известно не только в главке, но и в министерстве. Вскоре из МВД пришла директива: обобщить и распространить опыт старшего оперуполномоченного майора милиции Баздырева В.М. Более того, одному чиновнику пришла идея рассказать о методе и

его создателе в средствах массовой информации. И не просто рассказать, а устроить перед журналистами показательный допрос какого-нибудь реального жулика.

Баздырев как мог сопротивлялся, ссылаясь на секретность метода, который ни в коем случае нельзя разглашать, что жулик непременно настучит адвокатам и будет скандал, и так далее.

Но все же уговорили. Арестанта подготовили в одном из отделов милиции Северного административного округа. Максимыч поставил условия: секретные уловки при допросе он применять не будет, фамилию подследственного изменят, а журналистов представят, как стажеров или следователей.

Про арестанта, некого Беридзе, Максимычу предварительно сообщили, что он специализировался на старушках-пенсионерках. В день получения пенсий злодей караулил их возле сберкасс, шел следом и, выбрав момент, ударом в лицо сбивал бабушку с ног, забирал сумку с деньгами и документами, тут же садился на троллейбус или автобус и ехал грабить в другой район Москвы.

...В назначенный день приехали корреспонденты: сытая девица в синих очках и легинсах – из молодежной газеты, славящейся своей ненавистью к милиции. Вторым был нагловатый мужчина из правозащитного журнала, название которого Баздырев тут же забыл.

Пока ждали арестанта, Баздырев по просьбе правозащитника ознакомил визитеров с основными постулатами своего метода.

– «Детерминированный экспрессивно-психологический допрос» – это прогрессивный метод, ставящий своей целью прежде всего попытаться заглянуть в душу человека, в силу каких-то обстоятельств оказавшегося в заключении. Эти люди, даже несмотря на самые тяжелые преступления, как правило, раскаиваются, и им нужно немедленно протянуть руку помощи, разобраться и понять сложность и ранимость их души. Ведь совершив преступление, так называемые злодеи получают серьезную психическую травму, и, как правило, более тяжелой, чем так называемая жертва. И после преступления эти люди нуждаются в социально-психологической реабилитации.

– Вы правда так считаете? – искренне удивился мужчина из правозащитного журнала.

– Истинно так.

– Знаете, несколько неожиданно. Гуманистические идеи, человеколюбие – даже по отношению к преступнику?

– Неожиданно – для стандартного примитивного милиционера? – уточнил Баздырев.

– Ну, что вы! Вы для нас, Василий Максимович, милиционер новой формации! – встала девушка.

– Мерси... Теперь, если позволите, о тактике допроса. Она у меня детерминирована с библейской мудростью: «Не суди, и не судим будешь». Разъясняю: если я вижу, что допрашиваемому человеку неприятны мои вопросы о его проступке, я извиняюсь и перехожу на другие темы, которые ему более по душе.

Правозащитник просто расцвел от баздыревских речей.

К счастью, очередной постулат пояснять Баздыреву не пришлось. Ввели задержанного – смуглого мужчину лет тридцати, обросшего до глаз щетиной, в черной кожаной куртке, мятых брюках и лаковых туфлях. Он исподлобья глянул на присутствующих.

– Здравствуйте! Присаживайтесь, – вежливо предложил Баздырев. – Назовите себя, пожалуйста, гражданин.

– Беридзе Тамаз Хризантемович.

– Вы не Беридзе, – спокойно заметил Баздырев.

– А кто же?! – удивился арестант.

– Вы, гражданин, – говно!

– Чего?!

– Повторяю: говно!!! На совковой лопате. Урод, о которого даже ноги вытереть противно. Ты зачем приехал в Россию, незванный гость из независимой Грузии? Почему дома у себя не работаешь, генацвале? Потому что Россия кормить вас перестала? Трудиться не любишь, да? Что ж ты у себя в солнечной Грузии старух не грабил? Западло или обнищали все? На меня смотри! Ты приехал в чужую страну, великую страну убивать наших матерей! На самое святое руку поднял! В глаза смотреть! Я с тобой канителиться долго не буду. Психологический допрос закончен. Сейчас ты очень быстро напишешь «чистуху» по всем эпизодам, вспомнишь все. А не будешь, хорошо, я тебя отпущу. Да-да, отпущу прямо на улицу. Но у ворот тебя встретят сыновья этих старушек, которых ты бил в лицо и у которых отбирал нищенскую пенсию... Они ждут тебя. Не веришь? Можешь глянуть в окно.

Баздырев вдруг проворно вскочил, схватил грузина за шиворот и волоком подтащил к распахнутому окну. Во дворе на скамейке сидели четверо крепких мужчин зрелого возраста.

– Вот он! – крикнул им Баздырев, показывая сопротивляющегося арестанта.

Мужики, подскочили, как подброшенные пружиной.

– Давай его к нам, на шашлык поедем. Тащи этого уroda...

– Ходи к нам, чача пить будем! К белый дэвочка поедем!

Удовлетворившись, Баздырев таким же образом вернул «гостя» на место.

– Вот видишь, какой у нас гостеприимный народ!

– Давай бумагу, писать буду, – шумно выдохнув, произнес Беридзе. На его лице выступила морось пота.

Журналисты оцепенели. Девушка выронила ручку и даже не заметила этого. Человек из журнала изумлено таращился то на Баздырева, то на арестанта. Он, явно хотел вмешаться в события, но, кроме неожиданной отрывки, ничего издать не смог.

Беридзе хмуро глянул на Баздырева.

– В камере писать будешь. И смотри, без фокусов. А то, – Максимыч со значением посмотрел на журналистов, – у меня и второй постулат есть. Это, когда сначала привязывают к стулу...

* * *

Беридзе увели конвоиры. Журналисты молчали. Пауза затянулась.

– Ну, как вам мой метод? – закулив, поинтересовался Баздырев.

– Это ужасно! – взвизгнула девица. – Это же какой-то ГУЛАГ! Психическая пытка! А я-то думала, что вы действительно – милиционер-новатор, с демократическими убеждениями.

Очнулся и правозащитник.

– Если это в МВД считается самым гуманным методом, то что же считается обычной милицейской практикой? В общем, не говорите, мы знаем!!! Я не удивлюсь, если этот Беридзе повесится в камере.

– Ну и хрен с ним, пусть вешается! Разрешили, я б ему и веревку дал. Но по инструкции, к сожалению, не положено.

– Как вы можете так говорить? – ужаснулась девица. За синими очками глаза ее были, как у утопленницы.

– Могу, потому что я видел этих несчастных старух, с выбитыми последними зубами, травмами головы. Я вас есть мать? Я не желаю, чтобы она оказалась на пути вот такого джигита.

– Это будет бомба! – уже не слушая, пробормотала девица.

– Весь мир содрогнется! – в тон добавил Баздырев.

Мужчина из журнала поднялся и, помахав пальцем, произнес:

– Вы зря, иронизируете, господин майор. Когда выйдет моя статья в международном журнале «Правозащитник Вселенной» это будет о-очень большой скандал. Я не хочу угрожать, но

у меня есть принципы. Точнее, это международные принципы, и вашим сотрудникам, в том числе и вам, необходимо их знать. Женевская конвенция, Конвенция против пыток, статья первая, «запугивание и принуждение» называет пытками, к вашему сведению. А то, что мы видели, как назвать, если не запугиванием человека? Скажите, будьте так любезны!

* * *

Баздырев, стал терять терпение.

– Все эти документы, конвенции, протоколы у меня есть. Вот на той полке, книги из Международного комитета Красного Креста прислали. А вот это, – Баздырев показал на гору папок, – восемь нераскрытых убийств. В том числе, двух девочек. И они висят на мне. И пока я их не раскрою, не могу спать спокойно. Так что, извините, мне надо работать.

Обещанный скандал случился. Молодежная газета вышла с гигантским заголовком: «В МУРе – 1937 год!» А «Правозащитник Вселенной» выступил с более основательной статьей «МВД: детерминированный садизм и психические пытки».

Баздырева вызвали в главк к генералу. Начальник МУРа на своем веку немало чего повидал, раскрыл не одну сотню убийств и других преступлений. Не жаловал «теоретиков» и далеких от практики ученых, которые, по его словам, занимались «юристикой». Генерал стучал кулаком по столу и кричал:

– Баздырев, черт бы тебя взял! Ну, на кой хер ты устроил этот спектакль?

Максимыч и не оправдывался:

– А я по-другому, товарищ генерал, и не умею. Я простой, как валенок: что думаю, то и говорю.

* * *

Министерство внутренних дел по поводу этой истории разразилось специальным распоряжением.

1. Отменить Распоряжение от 12 июля 200... года № 133/23 «Об обобщении и распространении опыта старшего оперуполномоченного майора милиции Баздырева В.М. по проведению „детерминированного экспрессивно-психологического опроса“».

2. Запретить старшему оперуполномоченному майору милиции Баздыреву В.М. проводить в своей работе так называемый «детерминированный экспрессивно-психологический опрос» задержанных по подозрению в совершении преступлений.

3. В связи с большим негативным резонансом, вызванным публикациями в некоторых изданиях материалов о «показательном опросе», проведенном старшим оперуполномоченным майором милиции Баздыревым В.М., запретить вышеуказанному сотруднику общаться с представителями СМИ, давать интервью, какую-либо служебную или иную информацию, а также фотографироваться для газет или журналов и позировать перед видеокамерой – до особого распоряжения.

4. Строго указать старшему оперуполномоченному майору милиции Баздыреву В.М. на непрофессиональные, некорректные и недопустимые методы проведенного «показательного опроса», выразившиеся в грубости, оскорблении личности и запугивании подследственного Беридзе Т.Х.

5. Объявить старшему оперуполномоченному майору милиции Баздыреву В.М. строгий выговор за недопустимые методы проведенного «показательного опроса» подследственного Беридзе Т.Х.

6. Обязать старшего оперуполномоченного майора милиции Баздырева В.М. тщательно изучить главу «Тактика ведения опроса и допроса» учебного пособия «Криминалистика» с последующей сдачей зачета.

7. Главному специалисту Методического центра ГУК полковнику внутренней службы Кукиришкину О.О. объявить служебное несоответствие за инициативную пропаганду и внедрение в практику заведомо ненаучного метода так называемого «детерминированного экспрессивно-психологического опроса».

* * *

На этот раз Баздырева решили не понижать в должности. Да и наказывать-то, по правде, было не за что. Тем более что метод таки оправдался: потрясенный Беридзе сознался во всех своих восемнадцати нападениях на старушек.

...Оперская молодежь была восхищена. Особенно тем, как быстро Максимычу удалось (а для Москвы это дело не простое) собрать сыновей потерпевших женщин. Баздырев обещал рассказать, если «проставятся». И добавил, что водку он пьет с огурцами и докторской колбасой.

Ребята сбегали. Накрыли экспресс-стол. Тут же выпили. Все, по словам корифея, было просто.

– Видите вон тех мужиков, – подойдя к окну, показал Максимыч. – Вон, у киоска пиво пьют? Вот к таким же подошел, нормальные наши мужики, внятные, объяснил им ситуацию, рассказал про урода из Грузии, что старушек-пензионерок наших забивал. И вот, говорю, мужики, надо его припугнуть, чтоб раскололся. Как узнали, в чем дело, так все, кто там был, сразу согласились помочь родной милиции. Привел их во двор. Вот и все...

Очередной тост выпили за Максимыча.

ЦИАНИСТЫЙ КАЛИЙ СО ВКУСОМ ВИАГРЫ

Жизнь и смерть ходят рядом, но ничего не знают друг о друге.
Эмиль Кроткий

Куроедов уехал в прокуратуру. Максимычу вместе с Ребровым предстояло одно из самых неприятных в работе сыскаря дело: вместе с вдовой ехать на «опознание тела, принадлежавшего гражданину Зайцеву Б.П.».

Они дошли до парка, и Баздырев предложил:

– Давай хоть продышимся немного.

Они сели на ту же скамейку, где совсем недавно рыдала, проклиная свою девичью жизнь Карина.

– О, окурочек в помаде! – заметил Баздырев. – Девчонка такие же сигареты курила, ментоловые.

– Для ментов! – пошутил Ребров.

– Наверное, здесь и сидела.

– Что ты думаешь обо всей этой истории? – спросил Ребров.

– Ни хрена не думаю. Но девчонку явно специально подставили. Надо бы ее изолировать. На всякий случай...

* * *

В коридоре родного ОВД «Стригунино» им встретился жизнерадостный эксперт-криминалист. Блеснув очками, он предложил:

– Хотите справочку прочитать про цианистый калий?

– С чего это ты взял, что отравили именно цианистым калием? – спросил Баздырев.

– Он, как настоящий эксперт, сначала на вкус попробовал, – пошутил Ребров.

– Может быть, он от виагры дуба дал, – заметил Максимыч.

– Могу и про виагру дать справку, – заметил эксперт. – Вот, противопоказания к средству весьма редки, и случаи летального исхода в практике не зафиксированы, через 45 – 55 минут начинает действовать. Эффект потрясающий.

– Ну, давай, просветимся, – согласился Баздырев, взяв у эксперта два листка.

Они зашли в отдел – тесную комнату, которая и была рабочим местом Баздырева и Реброва. Максимыч опустился в потертое кожаное кресло, которое стояло здесь, судя по инвентарному номеру, с 1953 года и переходило к старшему по должности, положил на стол листки.

– Насчет цианистого калия – вряд ли понадобится, а вот виагру, может, и придется когда попробовать. Итак, «относится к группе блокаторов тканевого дыхания. Путь введения – пероральный, то есть через ротовую полость. Эффект наступает через 5 – 15 секунд...» Так вроде и получилось у мужика, если девчонка не соврала: после душа, где втихую принял. Учитывая толщину, чтоб завалить этого борова, прости меня Господи, как раз как минимум 15 секунд и понадобится... Что там дальше написано? Эх очки не взял... На, читай, ты молодой!

Максимыч протянул листок Реброву.

– Эффект наступает через 5 – 15 секунд и, ха-ха, продолжается неограниченное время. При пероральном применении взаимодействует с аш-хлор, серная кислота, что ли, желудка с образованием... Какие-то формулы... Химия... терапия, блин. Так, интересно... Хорошо всасывается в желудочно-кишечный тракт... Какой-то садист писал. Прием алкоголя и сладкой пищи замедляет всасывание препарата и наступление эффекта. Легко проникает в клетки, где оказывает свой биологический эффект. Период полувыведения – 30 – 40 лет. Препарат выво-

дится с мочой, калом, гниющими тканями. Точно, садист писал. А может, наш эксперт все это художественно приукрасил, то-то он веселенький ходит. Спиртяги тяпнул, которую для экспертиз выписывают.

– Давай, читай дальше, на самом захватывающем месте прервал.

– Долгое время сохраняется в разложившихся тканях и досках гроба. В цинковых гробах сохраняется практически неограниченное время... Начальная смертельная доза составляет 0,12 грамма. Стойкий клинический эффект наблюдается в 95 – 100 % случаев. Симптомы: головокружение, головная боль, металлический привкус во рту, спазм. Сильное ощущение нехватки воздуха, цианоз, судороги, повышение тонуса глазных яблок вплоть до экзофтальма, непроизвольное прикусывание языка, мочеиспускание и дефекация.

– Все прелести сразу, – вздохнул Баздырев.

– Цианистый калий выпускается в виде белого кристаллического дозированного порошка с привкусом горького миндаля по 0,12 грамма в упаковке, капсулах для раскусывания по 0,12 грамма. Хранить в защищенном от света месте. Срок годности не ограничен.

– Спасибо, обогащен. Теперь о более приятном, пожалуйста.

Пробежав глазами текст, Ребров заметил:

– О приятном тут ни слова. Противопоказания. Виагра противопоказана больным с гиперчувствительностью к любому компоненту таблетки. Благодаря известному влиянию на обмен окиси азота-ц-ГМФ препарат виагра усиливает гипотензивное действие нитратов, поэтому его применение противопоказано больным, получающим донаторы окиси азота или нитраты в любых формах.

– Короче, первый вопрос задаем вдове или лечащему врачу, получал ли покойный при жизни донаторы или нитраты?

– Вот тут еще о приапизме... – продолжил читать Ребров. – Употребление таблеток не приводит к заболеванию приапизмом. Что это такое, Максимыч?

– Это, милый юноша, когда твое достоинство все время находится в полной боевой готовности.

Тут позвонили из «дежурки» ОВД «Стригунино», сказали, что машина к выезду готова.

Петрович, бессменный водитель потрепанного «жигуль-шестерки» равнодушно спросил:

– Куда?

Баздырев назвал адрес, одновременно доставая из пачки сигарету для Петровича. Это был тайный ритуал, который знали «старики». Поднеся огонек зажигалки, Максимыч спросил:

– Как там дача?

Дача – это была излюбленно-больная тема для Петровича. Он строил и достраивал ее всю жизнь, но ограничивался короткими ответами, впрочем, с удовольствием.

– Шифер завез, под цвет кирпича. Осенью крышу перестилать буду.

После этого из Петровича можно было выжимать и сто двадцать километров в час, и работы по четырнадцать-пятнадцать часов. Единственное, что он не любил в этих экстремальных ситуациях, когда ему не объясняли, на кой хрен он сюда приехал и что тут случилось, в смысле – кратко изложить историю.

– Кстати, телефоны Зайцевых пробил? – спросил Баздырев.

– Да, вот ребята записали: домашний и сотовый Аллы Сергеевны.

Баздырев набрал номер. Домашний телефон не отвечал. Время было уже 9.40, и Максимыч выразил мнение, что, женщина, скорей всего, поехала на работу. Конечно, он мог сразу позвонить по сотовому телефону, но схитрил. И теперь по заведенному правилу следующим должен был звонить напарник. Такие звонки, когда ты поневоле становишься вестником смерти, для Максимыча, были как ножом по сердцу. По телефону обычно не сообщали печальное известие. Иногда посылали на это неблагоприятное дело участковых уполномоченных. Но сейчас у оперов была веская причина самим сообщить о гибели Зайцева.

– Набирай сотовый! – сказал Баздырев. – Скажешь типа, с вашим мужем Зайцевым Борисом Петровичем случилась... беда. Не по телефону, типа есть нюансы. Спроси адрес.

Ребров набрал номер, представился и повторил в точности то, что посоветовал Максимыч.

– Алла Сергеевна, не по телефону. Есть причины. Назовите адрес, мы тут же приедем.

Ребров достал ручку и сделал запись в блокноте.

– Ждет нас в офисе строительной компании «Открытые окна». Поехали!

– Ну, и как восприняла?

– Ну, как... Ради бога, скажите, что с ним, он живой?... Вот... А вот теперь твоя очередь, Максимыч, говорить, что муж умер при загадочных обстоятельствах.

– Разберемся.

– Максимыч, ты забыл, кто последний раз извещал потерпевшую сторону о гибели фигуранта?

– Это – тот, который попал под электричку? Ну, ты мастак, нашел, чем козырять. Сожительница бомжа... Она так и не поняла, чего мы хотим от нее. У меня деньги на водку кланчила. Нет, Ребров, бомжиха в зачет не идет.

– Черствый вы человек, Василий Максимович. Бомжиха тоже человек, и ничто человеческое ей не чуждо.

– Особенно ее бурная радость, когда получила от меня тридцать рублей на бутылку. И только после этого вспомнила, что спутника жизни звали Вовкой.

Оставшуюся часть пути ехали молча. Уже два года Ребров работал в «убойном отделе» вместе с Максимычем. И хоть и пикировался с ним иногда на равных, но улавливал, чувствовал те особые моменты, когда Баздырев неожиданно умолкал, забывал о своих прибаутках, подначках, сосредоточивался, как охотничья собака, почуявшая след. Он так и говорил: «Я – бешеная милицейская собака!»

Строительная компания «Открытые окна» находилась в одном из особняков в начале проспекта Мира. У входа топтался охранник в черной униформе. Баздырев показал удостоверение и сказал, что их ждет Алла Сергеевна. Стражник попросил подождать в вестибюле. Тут же появился старший охранник, посмотрел оба удостоверения и попросил следовать за ним.

Поднялись на второй этаж. Недалеко от лифта в коридоре стояла блондинка, на вид не старше тридцати. Увидев пришельцев, она изящно опустила в пепельницу сигарету, которую держала двумя пальчиками, и пошла навстречу.

– Вы из милиции? Ради бога, скажите, что с Борисом?

– Можно пройти к вам в кабинет, желательно, в отдельный.

Кабинет Аллы Сергеевны был отделан со вкусом, и «милицейская собака» Баздырев оценил это с одного взгляда: напоминал он уголок джунглей, будто вырезанный огромным ковшом в низовьях Амазонки и доставленный спецрейсом в ее кабинет. Среди этого обилия пальм, лиан, фикусов, кактусов, неведомых растений и цветов едва можно было разглядеть полки с книгами, стенные шкафы и почетные дипломы.

Но сейчас Баздырева интересовали вовсе не дизайнерские изыски. Он попросил, чтобы хозяйка непременно села. Потому что именно ему нужно было произнести для этой изящной блондинки *слова-убийцы*. Ее муж Борис Петрович Зайцев пока еще живой, да, с ним что-то случилось, и это скрывают хмурые люди из уголовного розыска. Но надежда витает, может быть все, что угодно, но не то, о чем и страшно подумать.

– Он что-то натворил? – медленно опускаясь в кресло, с мольбой спросила Алла.

– Алла Сергеевна, – начал Баздырев, – нам тяжело сообщать об этом... Ваш муж погиб при невыясненных пока обстоятельствах.

– Как?! Вы что такое мелете? – Она вскочила, глаза ее округлились. – Он попал в аварию? Что с ним, говорите же!!!

Баздырев вздохнул:

– Его обнаружили в номере гостиницы «Лунный свет» с признаками отравления. Тело находится сейчас в морге, вам надо поехать с нами... Если вы в силах. Процедура опознания...

– На Селигере? На озере?

– Эта гостиница в Москве, в Северном округе.

– Эта какая-то чушь, что вы мне говорите! Он уехал отдыхать на Селигер. Он много работал, одышка, он сердечник, я его насильно отправила отдохнуть на неделю. Это ошибка!

«Стоя она выглядит эффектней. Минимум золота, но все очень дорогое», – подумал Баздырев. Он тоже встал, вытащил из кармана пиджака паспорт Зайцева и протянул Алле Сергеевне.

– Да, это его паспорт, – сказала она, вытирая нахлынувшие слезы. – Где вы его взяли?

– Там же, в гостинице, в кармане его пиджака, – ответил Баздырев.

Алла взяла сигарету из пачки, изящную, с золотой каемкой, как миниатюрное воплощение ее самой, рассеянно посмотрела на зажигалку, лежавшую на столе. Ребров тут же вскочил, вытащил свою зажигалку, услужливо поднес огонек.

Не дожидаясь новых вопросов, Баздырев стал рассказывать.

– В ту ночь у него была девочка по вызову, некая Ирина Галушка, иммигрантка из Украины. Работала в гостинице по этому профилю.

– Боже, какая гадость, какая гадость... Хорош «Селигер» с гостиничной проституткой... – Алла опустила на диван, закрыла лицо ладонями. – Какой позор, как ты мог! Чего тебе не хватало? Кобель...

Она застонала. Ребров открыл бутылку минеральной воды, стоявшей на столе, налил в стакан и поднес женщине.

– Возьмите. Мы вам так сочувствуем.

Она оттолкнула стакан:

– Не надо! Не надо ваших фальшивых сочувствий... Представляю, как он лежит, вокруг чужие люди, суета, посмеиваются. Не повезло... Это проститутка его отравила?

– Пока не ясно. Скажите, Алла Сергеевна, ваш муж употреблял таблетки виагры?

– Не знаю, ни разу не видела. Может быть... Теперь все может быть.

– Значит, в вашей семейной жизни он виагру не применял? – уточнил Баздырев.

– Да как вы смеете задавать мне такие вопросы? – Блондинка вспыхнула, мгновенно пришла в ярость. – Что вы лезете в постель, копаетесь, думаете вам все можно?

– Извините, но у нас есть все основания считать, что вашему мужу подсунули каким-то образом таблетки с ядом, по внешнему виду похожие на виагру.

– Боже мой, какой-то кошмар. – Алла снова остыла и задала разумный вопрос. – А может быть, у него случился сердечный приступ на этой девке... Он был голый? Конечно, ему никто не оказал помощи. Боже, что скажут люди... Так закончить жизнь...

– Да нет, у него все признаки отравления... – мрачно произнес Баздырев. – Алла Сергеевна, вы должны поехать с нами на опознание тела... мужа. Если, конечно, вы сейчас в силах.

– Оставьте меня в покое! – Алла снова закрыла лицо руками.

– Вот моя визитная карточка, кладу на стол, буду ждать вашего звонка.

Максимиш и Ребров спустились вниз, прошли сквозь охрану. Молодчики в черной, америкосовского вида униформе что-то нервно обсуждали, увидев гостей, умолкли. «Уже знают, – подумал Баздырев, – кто слил, хрен его знает, масс-медиа...»

Петрович, нацепив очки, читал недельной давности «Московский мукомалец». Баздырев спросил его, будем жечь бензин зазря или подождем.

– А мне по бамперу, – ответил Петрович. – Вам, ловеласам, виднее.

Таким веселеньким словом (от глагола «ловить») Петрович называл оперативных сотрудников уголовного розыска.

– Значит, экономим, – сказал Максимыч. – Ранее чем через час женщина не созреет. Вспомнит все – хорошее и плохое, связанное с покойным мужем, всплакнет, взрыднет, да и тянуть ей особо негоже, милиция ведь нынче нервная.

Баздырев вновь предложил Петровичу сигарету, зная наперед, что он ответит.

– Да нет, я лучше свою «Приму».

– По моим прикидкам, у нас еще минуток шестьдесят есть... Слушай, Серега, если мне не изменяет память, там за углом гости из знойного Кавказа торгуют едой с подогревом. – Максимыч достал полторы сотни. – Возьми чего-нибудь пожевать и минералку полторашку. Со вчерашнего вечера ничего, кроме виагры, не видели.

...Алла Сергеевна позвонила через час, сухо произнесла, что готова ехать и спросила: «Где пересечемся?»

– А мы здесь, внизу, – ответил Баздырев.

Алла Сергеевна прошла сквозь раздвижные двери, провожаемая озадаченными взглядами охранников, легко спустилась по лесенке.

Баздырев выскочил из «жигуленка», услужливо открыл дверцу на переднем сиденье.

– Спасибо! – сухо произнесла Зайцева, тиснула брелочек, и неожиданно для Баздырева квакнул находившийся поблизости серебристый «Мерседес». – Я поеду за вами, только вы не слишком гоните.

– Стерва! – вынес личный приговор Петрович. – На п... ездит.

Уж кто-кто, а Петрович разбирался в людях.

– Поехали, Петрович. Дама не торопится, – вздохнул Баздырев. – На свидание в морг не опоздаешь.

– О как! – признал народившийся афоризм Ребров. И попытался продолжить:

– Мертвый лежит, земля дрожит.

ТЫ БУДЕШЬ МЕРТВЕЕ ТРУПА!

*Иной раз пустая сцена несет больше смысла, чем спектакль,
происходящий на ней.*

Автор

По пути они заехали за Куреевым. Ему, как следователю, предстояло составить протокол мероприятия.

В морге их встретил щупленький патологоанатом в очках, с большими, как лопаты, руками, представился Василием Малосольным. Куреев назвал себя и сказал, что приехали на опознание тела Зайцева Бориса Петровича.

– Вот он, – бесцветным голосом произнес очкарик и показал на лежавшее на столе тело, покрытое простыней.

Алла подошла, колебавшись, откинула простыню с лица покойника и отшатнулась.

Это был не Зайцев! На мраморе покоился неизвестный мужчина, явный бомж, порядком залежалого цвета.

Каждый из присутствующих отреагировал по-своему.

– Это не он!!! – истошно закричала Алла. – Где мой муж?! Куда вы дели Бориса, негодяи?!

Баздырев резко повернулся к патологоанатому, жестко произнес:

– Кого ты показываешь? Где тело Зайцева?

– Вы что, с ума тут все посходили? – ошалело отреагировал Куреев.

– Это он... – растерянно пробормотал патологоанатом, сорвал простыню с тела. – Вот его бирка!

Он показал на бирку, висевшую на пальце ноги покойника. И в самом деле значилось: Зайцев Борис Петрович.

– Нет, нет! – Алла кипящим взглядом окатила онемевших мужчин. – Где Борис? Куда вы дели Бориса? Скажите же мне... Выродки! Уроды! Где мой муж?!

У нее подкосились ноги, и Ребров еле успел подхватить женщину, посадил на табурет.

– Так кто же это тогда? – растерянно глянул на присутствующих патологоанатом.

– И вы меня об этом спрашиваете, гражданин Малосольный? – громыхнул Баздырев. – Итак, суду все ясно... И с тобой тоже. Труп подменили! Сколько тебе заплатили за это? Две, три тысячи баксов?

Патологоанатом стал бледнее трупа.

– Мне ничего не платили! – возмутился патологоанатом. – Это какое-то недоразумение... У этого бомжа была бирка с одним только именем «Гриша».

– У этого? – уточнил Баздырев, показав на труп.

– Да!

– И куда же сбегало это «недоразумение» с биркой бомжа по имени Гриша?

Пытаясь осмыслить жуткую ситуацию, патологоанатом, похоже, впал в ступор. Его глаза остановились, а в голове набатом зазвучала мелодия «Вечерний звон».

– Слушай, Вася, меня внимательно. – Максимыч перешел на задушевный тон. – Я, майор Баздырев, даю тебе на ответ ровно три с половиной секунды. Или ты сейчас будешь мертвее этого трупа, – кивнул он на тело.

Патологоанатом, встрепенувшись, просевшим дискантом произнес:

– Его увезли в крематорий...

– Что?! – не поверил Баздырев.

Алла встала, как мертвая из гроба, судороги исказили ее лицо.

– Как вы посмели? В какой еще крематорий?!

Она шагнула к нему, патологоанатом отпрянул:

– В наш районный...

Видя, что женщина пока не собирается вырвать ему глаза или порвать как медицинскую перчатку, неожиданно густым баском пояснил: – Я тут ни при чем, мне, видите ли, приказали.

– Кто приказал? – тут же отреагировал Баздырев.

Уже с напором патологоанатом пояснил:

– Приезжал заместитель главного санитарного врача Москвы, сказал: немедленно отвезти в крематорий не востребовавшие трупы месячной давности. Разорался тут, говорит, разводим тут антисанитарию, трупы с червями, обещал разогнать всех, уволить.

Он пожал плечами, снова обвел взглядом присутствующих, но сочувствия не дождался. В обители смерти патологоанатом – не друг.

– Когда его отвезли? – нетерпеливо спросил Баздырев.

Патологоанатом глянул на настенные часы, развел руками:

– Полтора часа назад.

– Догнать! – глянув на свои часы, бросил Баздырев. – На какой машине увезли?

– Ну, на нашей, такая, типа «буханки»...

– Номер какой?

– В журнале записан.

– Где журнал? – Баздырев терял терпение: морг – чертово место, где время для «гостей» остановилось навсегда.

Малосольный бросился в соседнее помещение, принес журнал.

– Вот номер машины.

– Ребров, надо перехватить.

– А если план «Перехват» объявить? – предложил Куроедов, ошалевший от перспективы «документирования» этого могильного водевиля.

– Пока я его согласую, покойного можно будет не только кремировать, но и воскресить, – брякнул Баздырев и, спохватившись, глянул на Аллу, – простите...

Но она не прореагировала.

– Телефон водителя знаешь? – Баздырев готов был душу вытрясти из Васи.

– Нет, – сделал вымученную гримасу патологоанатом.

– А крематория?

– Где-то в журнале записан. – Он раскрыл журнал: – Вот, вот этот...

Баздырев переписал номер машины и телефон в свой потрепанный блокнот, сунул его в карман.

– Едем!

Во дворе в тени одноэтажного «анатомического театра» Куроедов продолжил исполнение предначертанной ему роли.

– Как фамилия санитарного врача?

– Не помню. Он удостоверение мельком показал, я толком и не прочитал, – ответил Малосольный.

– Дальше что было?

– Как я сказал, он разорался: немедленно отвезти труп на кремацию! А потом он сказал, чтобы я пошел, ну, позвонил и вызвал сюда главного врача больницы. И я вот пошел в коридор, стал звонить по служебному телефону.

– Так, это ясно. Только не понимаю, как и при каких обстоятельствах произошла подмена бирки?

– Я не знаю, – устало сказал Вася.

Куроедов глубоко вздохнул, чтобы продышаться: предстояло вновь возвращаться в морг.

– Пошли обратно. Будем проводить следственный эксперимент.

- Пошли, не напугаете.
- Сколько у вас сейчас на сохранении усопших?
- Жмуриков?
- В каждой профессии свой цинизм, – проворчал Куроедов.
- А как у вас называют нераскрытое убийство, – парировал патологоанатом, – висяк или глухарь?
- Глухой висяк... Так сколько же у вас на сохранении тел усопших? Или вы их не считаете?
- Считаем. Четырнадцать... Нет, тринадцать.
- С исчезнувшим или без него?
- И с исчезнувшим, и без него. Не путайте меня. С этим последним была организована запланированная неразбериха: трупы ведь, так сказать, местами поменялись... Этот, который был Зайцев, у окна лежал... Теперь эта бомжatina лежит...
- Они что, у вас сами поменялись местами, а потом и – бирками?
- Наверяд ли...
- Сколько вы отсутствовали?
- Да минуты две-три... звонил главврачу, как сказал уже. А у него как раз обход был. Он сказал, что сможет минут через пятнадцать прийти, не раньше. И вот в это время, да, точно! – Василий хлопнул себя по лбу. – Это ведь зам главного санитара и сделал! Он подменил мертвецов, сволочь...
- Потрясающая догадка! – иронично заметил Куроедов. – Вас можно смело ставить начальником уголовного розыска... Как выглядел этот зам. главсанитара?
- Невысокий, с бородкой и усами, волосы черные, густые, нос с горбинкой.
- Еще какие приметы запомнили? Цвет глаз...
- Нет, не запомнил. Неприятно смотреть на него было... А еще на руке был маленький круглый шрам, типа от кислоты.
- На какой руке?
- Кажется, на правой.
- Никуда не отлучайтесь. Будем проводить следственный эксперимент. По-взрослому.
- Это как?
- Будем выяснить, кто в помещении морга совершил преступное деяние в особо циничной форме. Двое усопших, естественно, отпадают. Остаетесь вы и этот ваш мифический зам. главсанитара...
- Куроедов встал, подошел к Алле Сергеевне, все это время неподвижно сидящей на табуретке с устремленным в окно взором.
- Алла Сергеевна, вот заключение судмедэксперта. – Он протянул документ, – о наличии в органах пищеварения вещества из группы цианидов.
- Неожиданно Алла, схватив бумагу, швырнула ее на пол.
- Все вы здесь – негодяи! Устроили при мне этот спектакль! Уже ничего не стыдитесь. Побойтесь Бога! Как вы можете? Этот бомж порядочней всех вас!
- Не говоря больше ни слова, она вышла из здания морга, хлопнув дверью. В следующую минуту послышался звук отъезжающего автомобиля.

«ПОРЯДОЧНОГО» ПОКА НЕ КРЕМИРОВАТЬ

*Судьба слепа, но разит без единого промаха.
Владзимеш Счисловский*

Куроедов глубоко вздохнул.

– Так, гражданин Малосольный, «порядочного»... пока не кремировать. До особого распоряжения.

– Ну, дела... – Василий покачал головой. – Теперь хоть самому – в топку.

– Всему свое время...

– Что-то меня знобит... – вздохнул патологоанатом. – Не хотите ли спиртику для согреву?

Не беспокойтесь, не «секонд-хенд», для постояльцев у нас – формалин.

Малосольный достал пластиковую бутылку, выжидательно глянул на Куроедова.

– Давай... по махонькой, – махнул рукой следователь.

* * *

А в это время Баздырев и Ребров пытались кардинально скорректировать *последний путь*, в который отправился покойник Зайцев. Их «жигуленок» несся по улицам, подпрыгивая на ухабах. Баздырев безуспешно набирал номер телефона крематория.

– Чертов крематорий. Все время занято! Не думал, что с утра столько желающих. Сергей, давай пока звони нашему дежурному, пусть в Пеньковский поселковый отдел звонит, чтобы нашего мертвеца перехватили, не сжигали.

Ребров кивнул. В трубке зазвучал служебный голос:

– Дежурный по ОВД «Стригунино» Макаров.

– Коля, привет! Это Ребров, – затараторил Сергей. – Слушай, дело государственной важности! Позвони в Пеньковский отдел, скажи, пусть срочно в крематорий дуют. Там покойника Зайцева...

– Да не Зайцева, – поправил Баздырев. – Гриша он, как на бирке написано...

– Да, это самое, этого Гришу чтоб в печь не совали...

– Вы там чего, с бодуна? – отреагировал Макаров.

– Блин, да не с бодуна, Коля. С морга...

– Звони сам, мне крематорий не подчиняется, – раздраженно ответил дежурный и положил трубку.

– Черт бы побрал этого Макарова! – отреагировал Баздырев. – Недаром его прозвали «человек-ПМ»! Позвоню-ка сам пеньковским операм! – Он открыл блокнот, нашел номер, набрал: – Саня, Кривопустенко, это ты? Баздырев... Послушай меня внимательно. Срочно езжай в крематорий!

– Хорошее пожелание, – ответил Кривопустенко.

– Не перебивай! – с раздражением продолжил Баздырев. – Там одного покойника под именем Гриша должны сейчас кремировать. Уже привезли, наверное. Под любым предлогом останови их. Скажи: прокурорское решение, криминальный труп, надо его на экспертизу. Что хочешь делай...

– Кто ж без документа даст? – резонно отреагировал Саня. – Нарушение прав личности трупа!

– Сам лезь вместо него в печь! Ты опер – или кто? Помоги!

– Хорошо, сейчас поеду, – недовольно отозвался Саня. – Если бензина хватит!

– Задрал ты меня!

Баздырев отключил телефон, глянул на водителя.

– Поднажмем, Петрович?

– «Жигуль» – не птица.

Понимая «особенность» Петровича, считавшего, что ему положено знать, разумеется, в разумных пределах, оперативную задачу, Баздырев понял, что пора вводить шофера в суть дела. Все же Петрович – член команды, не таксист какой-нибудь. И тогда Петрович выложит за баранкой всю душу, выжмет из железа на колесах все, что можно.

– Ладно, ладно расскажу... Стыдоба, говорить не хочется. Обвели нас Петрович, вокруг пальца, как последних лохов. Поменяли у двух мертвецов бирки с именами. Понимаешь? Подложили нам бомжа Гришку, а нашего Зайцева в крематорий увезли. Уже вот два часа назад.

– Значит, обвели вокруг пальца мертвеца? – обобщил ситуацию Петрович. – Случай, надо признать, редкостный.

Удовлетворившись полученной информацией, Петрович тут же выжал педаль газа до упора.

– Только вот какого пальца и какого мертвеца? – усмехнулся Ребров.

– Наверное, наш Зайцев много долгов оставил после себя... – изрек Баздырев. – Что и после смерти в покое не оставляют.

Рискованно обгоняя машину на изгибе трассы, Петрович заметил:

– Суетиться не надо... Что тебе отмеряно судьбой, тем и довольствуйся. И главное – тщательно пережевывай пищу... Так моя покойная соседка всегда говорила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.